

КОРЕЙСКИЙ ТИГР

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПОСЛА РОССИИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

ГЛЕБ ИВАШЕНЦОВ

Глеб Ивашенцов

**Корейский тигр. Впечатления
и размышления Посла
России в Южной Корее**

«Алисторус»

2017

УДК 66.2
ББК 327(470+571)

Ивашенцов Г. А.

Корейский тигр. Впечатления и размышления Посла России в Южной Корее / Г. А. Ивашенцов — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906947-38-3

Мир традиционно знал Корею как «Страну утренней свежести». Страну удивительно живописную, населенную доброжелательными людьми, поклоняющимися природе и хранящими традиции древней культуры. Сегодня о Южной Корее говорят как об «Азиатском тигре». Корейская пружина, находившаяся под многолетним прессом – сначала изоляции от внешнего мира, а потом иностранной оккупации, – распрямилась. Нищая и разоренная войной в начале 1950-х гг., Южная Корея в течение жизни одного поколения превратилась в высокоразвитое процветающее государство, валовой национальный продукт которого на душу населения вырос за 54 года (с 1961 по 2015 гг.) в 179 раз! Эта книга – не традиционные воспоминания дипломата Г.А. Ивашенцова о службе и МИДовской рутине. Это рассказ русского человека о его личном видении Республики Корея – близкой дальневосточной соседки России, с которой у нашего государства много общих дел.

УДК 66.2
ББК 327(470+571)

ISBN 978-5-906947-38-3

© Ивашенцов Г. А., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
I. Немного о себе и личном опыте	7
Учеба в МГИМО. «Восточники» и «западники»	8
Перебор с идеологией	9
Чему не учили	11
Чему нужно учить	12
О корееведах, и не только о них	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глеб Александрович Ивашенцов

Корейский тигр. Впечатления и размышления Посла России в Южной Корее

© Ивашенцов Г.А., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Посвящается Ирине Юрьевне Ивашенцовой

Введение

За надолбами 38-й параллели

«Ну и как ты там – за надолбами 38-й параллели?» – поинтересовался у меня давний приятель, когда я приехал в Москву в первый раз в отпуск из Сеула.

В шутилом вопросе отчетливо отразилось то, как воспринимали обстановку в Корее мы, советские студенты МГИМО шестидесятых годов. По 38-й параллели после Корейской войны 1950–1953 гг. прошла демаркационная линия между двумя противостоящими корейскими государствами. С одной стороны этой линии мы видели Корейскую Народно-Демократическую Республику, где братский корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи и ее вождя товарища Ким Ир Сена успешно строил социализм при всесторонней помощи Советского Союза. С другой – была закрытая для нас Южная Корея, народ которой прозябал в нищете и бесправии под гнетом марионеточной клики сначала Ли Сын Мана, а затем Пак Чжон Хи, опиравшихся на штыки американских империалистов.

Возвращаясь сегодня, через пятьдесят лет после окончания института, к тогдашним советским оценкам положения в Корее, следует признать, что во многом они были верны. К концу 1960-х гг. КНДР действительно смогла добиться немалых успехов в хозяйственном и социальном строительстве, восстановила разрушенную войной промышленность и серьезно опережала Юг по темпам экономического развития. Если же брать Южную Корею, то ни один историк – южнокорейский, американский или российский – не будет в наши дни оспаривать то, что режим Ли Сын Мана был диктаторским, коррумпированным и проамериканским, что к моменту его отставки Южная Корея по ВВП на душу населения уступала тогдашним Папуа – Новой Гвинее и Нигерии, что голод тогда был обычным явлением в деревне, а электричество в городах подавалось с перерывами, что после прихода к власти в 1961 г. в результате военного переворота генерала Пак Чжон Хи в мирное время выносились смертные приговоры по политическим статьям, были запрещены любые собрания и осуществлялся тотальный контроль над средствами массовой информации.

В 2005 г. я приехал в совершенно другую страну. Страну с развитым гражданским обществом, страну «корейского экономического чуда», страну, чье кино и чьи спортивные достижения получили мировое признание. Однако 38-я параллель продолжала оставаться линией раздела Кореи, на которой не просто громоздились противотанковые надолбы, а стояли нацеленные друг против друга две мощнейшие военные группировки, оснащенные самым современным вооружением и боевой техникой. Ядерные и ракетные испытания, проведенные КНДР в 2006–2009 гг., еще более обострили обстановку.

В своей книжке я не буду касаться положения дел в Северной Корее, разбирать, что у тамошнего руководства вышло не так и почему. Думаю, что об этом лучше напишут те, кому довелось работать в Пхеньяне. Расскажу о своем личном видении Кореи Южной, где я прослужил Послом России четыре с лишним года – с 2005 по 2009 год. О том, что из южнокорейского опыта могла бы использовать наша страна в нынешнее непростое время, о людях, с которыми мне выпало встретиться в Сеуле, о своем понимании российско-южнокорейских отношений и в целом внешней политики современной России. Надеюсь, что кому-то этот мой рассказ будет интересен, а может быть, и полезен.

I. Немного о себе и личном опыте

Моя жизнь связана с дипломатической службой более полувека – с тех пор, как летом 1962 года я стал студентом Московского государственного института международных отношений МИД СССР. Думаю поэтому, что имею право высказать свое мнение об этой службе, о том, как она работает, как готовит свои кадры и как ими распоряжается.

Моя семья никакого отношения к дипломатии не имела. Мужчины рода Ивашенцовых, вышедшего из вологодских и костромских земель в XVI веке, служили обычно по военной линии. Есть документальные свидетельства того, что мои давние предки участвовали в Семи-летней войне 1756–1765 гг., в Отечественной войне 1812 г., в Крымской войне 1854–1855 гг. и во многих других войнах, оставивших свой след в истории России.

Во второй половине XIX века они сменили военный мундир на гражданскую одежду, хотя традиционная любовь к оружию в семье еще продолжительное время сохранялась. Имя моего прадеда А.П. Ивашенцова упомянуто в изданной несколько лет назад книге «Сто великих русских охотников». Он разработал несколько моделей охотничьих ружей, которые производились на Тульском и Ижевском заводах вплоть до конца 1930-х гг., а его книги об охоте и охотничьем оружии до сих пор переиздаются и пользуются хорошим спросом. Мой дед Г.А. Ивашенцов был врачом, а отец А.Г. Ивашенцов – геологом. Каждый из них на своем поприще многое сделал для Родины.

Я с детства с удовольствием учил иностранные языки: немецкий – в школе и английский – с частным преподавателем: бабушка – мать отца, которая говорила по-немецки, по-французски и по-английски, считала, что владение иностранным языком – принадлежность каждого культурного человека независимо от его профессии. Родители-геологи, конечно, хотели, чтобы я пошел по их стопам. Меня с детства брали в геологические экспедиции, а после девятого класса отправили работать в экспедицию уже в самостоятельном качестве. Но я пошел поступать в МГИМО и поступил сразу – без какой-либо поддержки извне или изнутри. Скажу, что моя мать поинтересовалась, где расположен этот институт, только после того, как я в него поступил, – она хотела лично увидеть мое имя в вывешенных при входе списках принятых.

Учеба в МГИМО. «Восточники» и «западники»

Нас в МГИМО учили хорошо. Учили опытные и знающие преподаватели, которых я с почтением вспоминаю до сих пор. Меня определили в языковую группу хинди, и я был этому искренне рад. Индия была тогда крайне популярна в нашей стране, а меня лично очень привлекал образ Джавахарлала Неру, который внешне во многом напоминал моего деда-врача.

Восток поэтому определил мою дальнейшую работу и круг профессионального общения, о чем я, откровенно говоря, никогда не жалел. С одной стороны, среди ребят, учившихся в МГИМО на востоковедческих специальностях, практически не было «позвоночных», т. е. поступивших в институт по протекции, «по звонку». Последние, а их было в целом немного, гораздо меньше, чем шла об этом молва, обретались в группах со специализацией на дальнейшую службу на Западе.

Никого не хочу обидеть, но, на мой взгляд, «восточники» и в институте, и на дальнейшей службе в МИД как личности в большинстве своем были интереснее, чем «западники». Когда команда МГИМО в шестидесятые годы не очень удачно выступала в необычайно популярных тогда соревнованиях КВН – Клуба веселых и находчивых, ходила шутка, что это – закономерно, единую хорошую команду никогда в нашем институте не собрать: веселые учатся на «Востоке», а находчивые – на «Западе».

Изучение восточных языков воспитывает в человеке усидчивость и терпение – ведь такой язык требует ежедневно не менее трех часов занятий. Необычайно расширяется кругозор человека, ведь вместе с языком ты знакомишься с совершенно новой цивилизацией – индийской, китайской, арабской, иранской, чего не происходит, когда ты изучаешь, скажем, лишь английский или французский язык. Да, кстати, тем, кто изучал восточный язык, было обязательно изучать при этом и один западный. Языки шли парами, например хинди – английский, вьетнамский – французский и т. д. И примечательно, что «восточники», как правило, в дальнейшем отлично владели западными языками. Ряд ведущих мидовских переводчиков английского языка прошлых лет вышли из «восточников».

Перебор с идеологией

Что раздражало во время учебы, так это явный перебор с идеологическими дисциплинами. Тот, кто усердствовал с их навязыванием, очевидно, полагал, что таким образом будут воспитаны более крепкие «бойцы идеологического фронта». Но на практике получилось обратное, что наглядно подтвердилось в нашей стране на рубеже восьмидесятых-девяностых годов. Ведь наиболее яростно, буквально с пеной у рта, тогда набросились на «коммунистическое прошлое» люди, ранее защищавшие диссертации по диалектическому материализму или научному коммунизму и годами преподававшие эти дисциплины, вроде ныне уже забытого Бурбулиса.

Меня всегда отвращала фальшь, а сколько было фальшивых клятв в верности ленинизму, в заявлениях о необходимости «черпать силы в заветах вождя» и т. п. Помню, я откровенно оторопел, когда уважаемый мною, очень неглупый человек, в дни моей молодости Посол в Индии, вдруг на партсобрании «разоткровенничался» о том, что он по вечерам «советуется с Ильичом». «Порою мучит тебя какой-то вопрос, – разглагольствовал он, – не знаешь, как поступить. А возьмешь томик Ленина, полистаешь его и найдешь ответ». Вот так они и «чистили себя под Лениным, чтобы плыть в революцию дальше». А куда все мы таким образом приплыли, известно.

Особое внимание при изучении идеологических дисциплин в институте отводилось заучиванию работ классиков марксизма и прежде всего произведений В.И. Ленина. Один из моих приятелей, очень одаренный человек, который за все годы учебы в МГИМО ни по одному предмету не имел оценки иной, чем «отлично», но из-за своего постоянного фрондерства вошел в XXI век охранником в супермаркете, а затем вообще исчез с горизонта, разработал для этого весьма своеобразную систему. Основные тезисы каждой работы вождя были положены им на мотив какого-нибудь тогдашнего шлягера и поэтому очень легко запоминались. Например, «Очередные задачи советской власти» – «Мы Россию убедили, мы ее отвоевали, а теперь мы будем управлять» удачно легли на мелодию венгерского твиста «Я – пушистый маленький котенок». «Письмо к съезду» – «Троцкий не лоялен, Пятаков – тщеславен, а Бухарин – тот схоласт» – на мелодию «Yes, Sir, that's my baby». А статья «О придании законодательных функций Госплану» – «Пятаков, расскажи, что нам делать...» – на мелодию чешской песенки «Бабушка, научи танцевать чарльстон».

Вспоминаю примечательный эпизод. В 1963 г., как говорили, по прямому указанию Хрущева в дополнение к курсам политэкономии и марксистской философии во всех высших учебных заведениях СССР ввели курс научного коммунизма. Думаю, кому-то из помощников Хрущева при поисках для его очередного доклада нужной цитаты из В.И. Ленина попала на глаза известная работа вождя «Три источника и три составные части марксизма». А в ней четко указывалось, что три источника марксизма включают немецкую классическую философию, английскую (буржуазную) политическую экономию и французский утопический социализм. Тут же задался вопросом, а почему в вузах страны изучают лишь политэкономии и марксистскую философию? Где научный коммунизм, тем более что на XXII съезде КПСС в 1961 г. было провозглашено, что в нашей стране к 1981 году будет построен коммунизм. И ввели упомянутый курс. Но ничего нового, по сравнению с курсами марксистской философии и политэкономии, в него добавить уже было нельзя, и дело свелось к пережевыванию всех прежних положений из работ классиков марксизма и документов партийных съездов.

Среди моих однокашников введение новой дисциплины было встречено без энтузиазма. Нас не нужно было агитировать за советскую власть, мы все были ее искренними сторонниками. Нам остро не хватало времени на изучение языков, истории, права, но нас обязывали тратить время на повторное заучивание марксистских истин, вполне освоенных нами годом

ранее. Эта тема как-то сама собой вдруг всплыла на одном из комсомольских собраний, и кто-то предложил поставить на голосование вопрос об обращении в высокие инстанции об отмене курса научного коммунизма как явно излишнего. К счастью, товарищи с более богатым жизненным опытом убедили собрание спустить данный вопрос на тормозах. А то, возможно, нам всем пришлось бы посвятить себя в дальнейшем какой-то иной, чем международные отношения, деятельности.

Чему не учили

При обилии учебных часов на идеологические дисциплины нас, однако, не учили многому, что крайне важно для любого дипломатического работника в повседневной практике. Не учили тому, как написать краткий доклад о том или ином событии, который мог бы лечь в основу телеграммы посольства в Москву, не учили, как сделать запись беседы с иностранным партнером, как готовить проекты выступлений послов, министров, главы правительства – от краткого тоста на банкете до речи в иностранном парламенте или на международной конференции. Не учили нотной переписке. Не учили риторике. Не учили держаться перед многочисленной аудиторией. Не учили приемам дискуссии с заведомым противником. Не учили тому, как правильно подобрать галстук или обувь к костюму, хотя в дипломатическом мире правило «встречать по одежке» куда более действенно, чем где-либо еще. Всему этому каждому из нас, кто пошел по дипломатической стезе, пришлось потом, уже на службе в посольстве или отделе МИД, учиться самим, зачастую методом проб и ошибок, набивая шишки и получая заслуженные, а чаще незаслуженные нагоняи от начальства.

Мне во многом повезло. Четко излагать мысли и факты я научился, когда еще с институтских времен писал заметки для агентства печати «Новости» и зарубежного вещания Московского радио, для того чтобы заработать на поход в кафе с девушкой или приятелями. Мои тексты переводились на иностранные языки, поэтому нужно было писать очень простым языком – без деепричастных оборотов и придаточных предложений. Уверенно держаться перед аудиторией меня научили секретарство в общественных организациях и работа переводчиком с делегациями на крупных мероприятиях.

Но такой опыт был не у всех. И поэтому мы до сих пор можем встретить сотрудников наших посольств и, что греха таить, послов, которые двух слов не могут сказать без бумажки, в ответ на каверзные вопросы иностранных интервьюеров несут косноязычную хрень, а при откровенных выпадах собеседников не то что в их личный адрес, а в адрес их страны лишь беспомощно разводят руками.

Чему нужно учить

Тем, кто намерен посвятить себя дипломатической работе, нужно давать больше практических навыков, а не чисто академических знаний. Поясню, что я имею в виду. Возьмем, например, известную телевизионную передачу «Умницы и умники», участники которой соревнуются в ответах на вопросы изощряющегося в самолюбовании ведущего, а победители конкурса автоматически становятся студентами МГИМО. Мне в целом импонируют все эти ребята, видно, что они действительно многое знают и из древней истории, и из литературы и др. Но сами по себе такие знания еще отнюдь не подтверждают ни аналитических способностей человека, ни вообще его профессиональной пригодности к той же дипломатической деятельности. И участники передачи, прямо скажем, не столько умники, сколько просто ходячие банки информации. Но гораздо больше информации можно при желании скачать сегодня из Интернета. Что мне, как Послу, от того, что мой подчиненный готов перечислить все подвиги Геракла или битвы Пунических войн, если он не способен без моего вмешательства отвадить назойливого просителя, срочно найти документы по таможенной статистике или определить порядок парковки автомашин гостей во время приема в посольстве?

Когда говорят о способах определения профессиональной пригодности сотрудника, мне на память всегда приходит эпизод из прочитанного в семидесятые годы романа С. Шелдона. Героиня романа приходит в контору некоего нью-йоркского адвоката наниматься его секретаршей. В коридоре она видит примерно двадцать других претенденток, многие из которых выглядят очень эффектно, и героиня уже начинает опасаться за свои шансы. Вдруг из кабинета выскакивает помощник адвоката и в отчаянии, ни к кому не обращаясь, кричит: «Ну, где я ему возьму сейчас этот номер „Ньюсуика“ двухмесячной давности?» Героиня молча спускается на первый этаж здания, заходит в расположенную там парикмахерскую, а в парикмахерских – она знает, всегда лежат старые журналы, и приносит помощнику адвоката искомый номер. Она была принята на работу немедленно. При приеме в институт мы должны делать упор не на формальное знание абитуриентом тех или иных фактов, а выявлять его способность эти факты сопоставлять, анализировать, иными словами, его способность мыслить, в т. ч. находить выход из нестандартных ситуаций.

На факультете международных экономических отношений МГИМО рассказывают, что в очень давние времена, когда этот факультет был еще Институтом внешней торговли, на выпускной экзамен по валютно-финансовым операциям пришел А.И. Микоян, тогда министр этой самой внешней торговли. Отвечать выпало одному из отличников, которому достался билет с простым вопросом: «Вексель». Отличник уверенно затараторил: «Вексель – строго установленная форма, удостоверяющая обязательство векселедателя... Передача прав по векселю происходит путём индоссамента...» «Хорошо, хорошо, – улыбаясь, прервал его А.И. Микоян с характерным армянским акцентом, – видно, что Вы это знаете. Напишите мне, пожалуйста, вексель». И тут отличник, что говорится, сел в лужу. Оказалось, что он в жизни никогда векселя не видел и ничего написать не мог. Естественно, после такого конфуза в присутствии самого министра «красного» диплома ему не досталось. Так вот, студентов на всех факультетах МГИМО нужно учить так, чтобы подобных ситуаций в жизни у них не возникало. А они, к сожалению, возникают сплошь и рядом.

И еще один важный, на мой взгляд, вопрос. Подготовка специалиста со знанием восточного языка – дело весьма дорогое. Поэтому прежде, чем принимать того или иного юношу или девушку на изучение такого языка, особенно если речь идет о странах с тяжелым климатом или заведомо непростыми бытовыми условиями, нужно откровенно предупредить их о том, с какими трудностями может быть сопряжена их предстоящая работа, проверить, насколько они

к ней психологически готовы. А то и казенные деньги, и годы жизни этих людей могут быть просто потрачены впустую.

Вспоминаю такой случай. Когда я служил Послом России в Союзе Мьянма, тамошнее правительство решило открыть Международный буддистский университет. Все посольства были проинформированы о том, что обучение будет бесплатным для иностранцев, которые могут использовать пребывание в Университете для углубленного изучения бирманского языка. Я съездил в Университет и скажу прямо: на меня произвели крайне благоприятное впечатление условия размещения студентов – комнаты на одного человека со всеми удобствами – туалетом, душем. Подумал: это бы все в общежитие МГИМО шестидесятых годов.

Но руководство Университета предупредило, что распорядок дня, обязательный для всех студентов, независимо от пола, возраста и страны происхождения, весьма жесткий – как у буддистского монаха: подъем в пять утра, последняя трапеза в полдень. Никаких самостоятельных приготовлений еды, никаких алкогольных напитков, даже пива.

Руководство одного из наших ведущих востоковедческих вузов заинтересовалось предложением мьянманцев: у них давно не было возможности направить студентов в Мьянму на языковую практику. Будучи в отпуске в Москве, я зашел в этот вуз и предупредил, что нынешним российским студентам будет непросто принять ограничения внутреннего распорядка университета. Одна из дам-профессоров, своего рода ветеран Мьянмы, с уверенностью сказала: «Обойдутся. Когда мы в начале шестидесятых были в Бирме на практике, то у нас по общежитию змеи ползали, и ничего, привыкли». Через пару месяцев прибыли студенты – девочка – бутончик лет двадцати с голубенькими глазками и губками бантиком и примерно такой же юноша. Спустя неделю они пришли ко мне: «Можно мы поживем в Посольстве? Хочется сходить на дискотеку, погулять. А на занятия будем ездить на автобусе». Отвечаю: «Но вам же сказали о правилах режима. Жизнь вне Университета для студентов исключается». Еще через пару недель оба студента, уже не заходя в Посольство, улетели в Москву. Естественно, что ни в какую Мьянму они больше никогда не поедут, разве что не на работу, а на пляж при пятизвездном отеле. Так стоило ли тратить время преподавателей и деньги государства на то, чтобы обучать их бирманскому языку?

А вот другой пример. В 2003 году, после того как мы возобновили работу Посольства России в Кабуле, ко мне как директору Департамента, в ведении которого находились отношения с Афганистаном, обратился молодой человек, который хотел поехать на работу в эту страну. О себе сообщил, что он – русский, но родился в Узбекистане, неподалеку от афганской границы, с детства впитал в себя тамошний воздух, полюбил этот край, однако после распада СССР вынужден был уехать из родных мест. Прежде окончил Рязанское десантное училище, знает язык дари, воевал в Афганистане. С парнем поговорили в Департаменте кадров и направили его на работу в Генконсульство в Мазари-Шариф. И, по многим отзывам, он там прекрасно себя проявил, прежде всего как исключительно контактный человек. Афганцы с ним охотно общались, видать, чувствовали в нем своего рода земляка.

Теперь об оплате труда дипломатов. В последние годы многое сделано, чтобы повысить оклады, позволить сотрудникам российских заграничных учреждений достойно выглядеть перед иностранными коллегами, не экономить на спичках. Хотя и сейчас находятся люди, которые, несмотря на хорошую зарплату, предпочитают ходить за покупками в места, которые иначе как помойкой не назовешь. И такие люди, наверное, будут попадаться всегда, сколь высокой зарплату ни делай.

Вопрос в другом. Высокие оклады – еще отнюдь не гарантия того, что ты подберешь на работу сведущих и нужных людей. Вспоминаю притчу о том, как в XVIII веке британская королева Анна соизволила посетить Гринвичскую обсерваторию и имела там продолжительную беседу с ее директором, выдающимся астрономом Джеймсом Брадлеем. Говорили о звездах и открытиях, но в конце разговора речь зашла об оплате труда ученых. Астроном сообщил

королеве, какое жалование он получает. Та, в свою очередь, удивилась и предложила эту сумму увеличить в несколько раз, однако ее собеседник упал на колени: «Ваше величество, молю: не делайте этого! Иначе на мою должность будут назначать не астрономов!»

Эта притча весьма популярна среди ученых. Но, на мой взгляд, она имеет отношение ко всем сферам человеческой деятельности, где необходима преданность профессии, своего рода призвание. Дипломат – это не просто человек в костюме с галстуком, стоящий на приеме со стаканом виски. Это деятельный, образованный и любознательный человек, которому дорога его страна и интересна его служба. И даже в трудные девяностые годы, когда зарплата директора департамента МИД, не говоря уже о советнике или первом секретаре, была в разы меньше, чем у младшего клерка в нефтегазовой структуре или у охранника казино, костяк сотрудников остался на дипломатической службе России. Остался, потому что не мог мириться со сползанием страны в ту внешнеполитическую трясину, куда ее настойчиво толкало тогдашнее руководство.

О корееведах, и не только о них

В России исторически очень сильно востоковедение. Еще Петр I в 1720 г. издал указ об определении Коллегии иностранных дел, в которой значилась «экспедиция турецких и других восточных языков». Наше государство, расширяя свои границы на юг и восток, заботилось о том, чтобы готовить кадры соответствующих экспертов для контактов с сопредельными странами. Всемирное признание получили русская тюркология, иранистика, афганистика, индология, китаеведение.

Приведу показательный пример. Крупный пакистанский дипломат, в введении которого после ввода советских войск в Афганистан находился афганский угол политики Исламабада, доверительно рассказывал мне, что он распорядился тогда собрать все советские научные публикации по Афганистану, сделать их краткие аннотации, а потом и перевод части статей и книг с русского, и был поражен, насколько обширной была содержащаяся в них информация, например по племенам Афганистана, и сколь глубоким и точным был анализ проблем. Он признался, что по его оценке русские дореволюционные и советские исследования по Афганистану в целом качественно превосходили не то что пакистанские, но и английские работы.

Проблема, однако, была в том, что те, кто в Советском Союзе принимал политические решения, редко советовались с учеными. И тот же Афганистан – тому пример.

С другой стороны, нередко и среди ученых находились люди, которые в погоне за званиями и «теплыми местами» не столько занимались исследованием той или иной проблемы, сколько подгоняли свои статьи и книги под установки очередного съезда КПСС. Так в шестидесятые-семидесятые годы плодились работы на азиатско-африканскую тематику, где перепевались имевшие мало общего с действительностью положения о некапиталистическом пути развития для стран, освободившихся от колониальной зависимости, и о государствах «национальной демократии» в «третьем мире».

Начетничество было бедой всех общественных наук в нашей стране. Помню, как в 1970 году я сдавал экзамен по философии на кандидатский минимум, став соискателем научной степени в одном из престижных академических институтов. Один из вопросов доставшегося мне билета звучал кратко: «Антикоммунизм». Я подготовил развернутый ответ, начав с рассказа о теории тоталитаризма. Упомянул Ханну Арендт, Хайдеггера, но неожиданно услышал вопрос экзаменатора из Института философии: «Зачем Вы все это рассказываете?» Оказывается, от меня требовался ответ типа: «В партийных документах КПСС и братских партий намечены важнейшие направления борьбы с антикоммунизмом, антисоветизмом и... еще десятком прочих – измов, включая маоизм и сионизм».

Не избежало всех этих бед и отечественное корееведение. У нас всегда были и сейчас есть прекрасные знатоки корейского языка, культуры и истории Кореи, но что касается экспертов по современному положению дел, то их видение проблем в течение нескольких послевоенных десятилетий было откровенно зашоренным. Они видели только КНДР, и, как правило, исключительно в розовом свете, хотя в большинстве случаев, я думаю, вполне искренне. В свою очередь, Южная Корея находилась для них в некоем Зазеркалье.

С «открытием» же Южной Кореи на рубеже восьмидесятых-девяностых годов многие из корееведов начали смотреть через «розовые очки» уже на Юг и стали публиковать работы, содержание которых прямо противоречило всему тому, что писалось теми же авторами всего несколькими годами ранее. Но это было понятно. Если бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС превратился в откровенного антикоммуниста, то чего можно было требовать от кормящегося корееведением кандидата или даже доктора наук, которому, по признанию одного знакомого востоковеда, «очень хотелось кушать».

Что касается корееведов-дипломатов, то это, как правило, люди, неплохо владеющие корейским языком и корейскими реалиями. Их главная беда, однако, в том, что нередко они являют собой конкретный пример узкого специалиста по известной характеристике Козьмы Пруtkова.

В системе нашего МИД специалист-востоковед, владеющий редким языком, обычно оказывается пожизненно прикованным к стране этого языка. Так обстоит дело с китаистами, японистами, вьетнамистами и т. д. Я знаю, например, человека, который всю свою дипломатическую жизнь – от атташе до посла – прослужил в одной и той же не самой крупной азиатской стране, лишь перед пенсией вырвавшись в новое для себя государство, правда, в том же географическом регионе. Сколько на моей жизни было в МИД разных кампаний, призывов к ротации сотрудников по регионам и по континентам, между посольствами и представительствами при международных организациях. Но воз, как говорится, и ныне там. Кесарю – кесарево, а корееведам – служить в Корее. Правда, если прежде они из командировки в командировку ездили исключительно в Посольство в Пхеньяне и Генконсульство в Чходжине, то сейчас есть возможность ротации в Сеул и Пусан.

Положение, при котором люди десятилетиями остаются замкнутыми на одну страну, на мой взгляд, крайне непродуктивно. Люди буксуют профессионально, у них, как выражаются, «замыливается глаз», на все происходящее они начинают смотреть как бы сквозь призму прошлого опыта, будучи не в состоянии замечать какие-то новые явления или тенденции. Кроме того, у них развивается то, что американцы называют «локалайтис». Это явление, когда человек начинает видеть события глазами жителя страны, где он находится в командировке. У меня на этот счет был примечательный эпизод. В Южной Корее проходили местные выборы, которые были призваны оказать существенное влияние на общую расстановку политических сил в стране. Я попросил ведущего корееведа Посольства подготовить справку на этот счет, которая могла бы лечь в основу телеграммы в Центр. Сотрудник принес мне подробнейший расклад хода выборов с описанием, почему в таком-то округе победил Пак из партии Икс, а не Цой из партии Игрек, чем отличаются эти партии, кто переметнулся из одной фракции в другую, кто кого и где подкупил и как сработал «черный пиар». В справке не было одного – какое значение итоги прошедших выборов имели для будущего российско-южнокорейских отношений.

Другая сторона дела в том, что узкая специализация зачастую вполне устраивает и самих экспертов-страноведов. Представьте себе человека, когда-то начавшего работу по той же Южной Корее с упором на внутреннюю политику этой страны. За весьма непродолжительное время он, владея корейским языком, достаточно четко осваивает тему. А затем особых усилий уже и не требуется. Вноси поправки в справку по схеме в соответствии с развитием событий. Так проходит первая командировка в должности атташе, когда сотрудник работает еще в составе группы по внутренней политике. Через пару лет он возвращается в Сеул уже на должность второго секретаря опять же заниматься внутренней политикой. В третью командировку он едет уже советником снова по внутренней политике – зарекомендовал себя уже экспертом – и главным переводчиком корейского языка.

Я всегда выступал за то, чтобы люди меняли направление работы, пусть даже не меняя страны пребывания. Почему бы после внутренней политики не перейти на двусторонние отношения или на консульскую проблематику, ведь, в конце концов, когда-то сотрудник должен подняться до уровня советника-посланника или генерального консула, а то и посла, для чего нужно набраться опыта работы на самых разных направлениях. Но человек сам предпочитает оставаться на своем прежнем узком участке – так спокойнее, сиди и тихо переписывай прежние справки по внутренней политике, не хочет он нервотрепки, связанной с двусторонкой или консульскими делами, где нужно с кем-то дискутировать, кого-то убеждать, брать на себя принятие каких-то решений и потом за эти решения отвечать.

Дипломатическое искусство – это прежде всего общение. Знание местного языка полезно в работе дипломата, но это не главное. Куда более важно, чтобы дипломат был личностью, человеком, с которым местным деятелям интересно общаться, пусть даже через переводчика. Иностранцы будут делиться мыслями, если они увидят в тебе собеседника, способного оценить чужую мысль, и от тебя можно услышать что-то дельное, а не лишь восторги местными красотами или рассказы о том, под какую закуску в России пьют водку. Иностранец будет доброжелателен, когда убедится, что уважают и лично его как человека, и традиции его страны.

Если в Европе или Америке формы общения между людьми в целом совпадают с принятыми в России, то на Востоке без знания местных обычаев, особенно местных «табу», можно нередко попасть впросак. Важно помнить, что, например, исламская традиция исключает рукопожатия между не состоящими в родстве мужчинами и женщинами. Поэтому вашей жене не следует протягивать руку для рукопожатия знакомым мусульманам. В Мьянме нельзя гладить по голове чужих детей – считается, что этим можно «сглазить» ребенка. В Корее и в Японии белые хризантемы – цветок похорон, и если вы появитесь с таким букетом на свадьбе или дне рождения, не удивляйтесь, что вас встретят весьма кисло.

В дипломатическом мире куда более действенно, чем где-либо еще, правило встречать по одежке. Конечно, крайность – случай, произошедший лет двадцать назад с высокопоставленным французским дипломатом в Эр-Рияде, когда, отправившись на пробежку в шортах и с голым торсом утром по приезду в саудовскую столицу, он был задержан нарядом религиозной полиции и препровожден в участок за «непристойное поведение на улице». Белая ворона в любой среде вызывает отторжение. Чтобы избежать возможных проблем, организаторы светских дипломатических мероприятий указывают в приглашении форму одежды участников. Но необходимо следовать принятым нормам и в повседневном общении с иностранными партнерами. Если в Западной Европе коллеги из местных МИДов появляются на службе, особенно в преддверии уикенда, в джинсах, то в МИДе Южной Кореи или Японии в любой день нельзя представить сотрудника и даже посетителя одетыми иначе, как в темный костюм с галстуком. Поэтому, например, и на рабочий ланч южнокорейские или японские дипломаты придут «одетыми по форме», и российский дипломат, чтобы не чувствовать себя неловко, должен быть одет соответственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.